

ПРЯДЬ О НОРНА-ГЕСТЕ

1. Гест приходит к Олаву конунгу

Рассказывают, что как-то раз, когда Олав конунг сын Трюгви сидел в Трандхейме¹, явился к нему под вечер один человек и приветствовал его, как подобает. Конунг принял его благосклонно и спросил, кто он таков, а тот назвался Гестом.

Конунг отвечает:

– Будь нашим гостем, как бы тебя ни звали².

Гест отвечает:

– Меня и вправду так зовут, государь, и, если только мне будет позволено, я с радостью воспользуюсь вашим гостеприимством.

Конунг сказал, что охотно разрешает ему остаться. Но поскольку день клонился к концу, конунг не пожелал побеседовать с гостем. Вскоре он отправился к вечерне и затем к столу, а там и на покой.

В ту же самую ночь³ Олав конунг сын Трюгви бодрствовал, лежа в своей постели и читая молитвы, а все прочие люди, которые находились в том же покое, спали. И вот кажется конунгу, что, хотя все двери там были на запоре, в покой входит не то альв⁴, не то какой-то дух. Он проследовал мимо постелей всех, кто там спал, и наконец подошел к человеку, который лежал в самом дальнем углу.

Тут альв остановился и сказал:

– Крепок замбк, да домок-то пуст!⁵ Когда б конунг получше разбирался в таких делах и взаправду был мудрейшим из людей, каким слывет, он не спал бы теперь так крепко.

После этого он исчезает за закрытыми дверями⁶.

А с утра пораньше конунг посылает своего слугу узнать, кто спал ночью в той постели, и оказывается, что в ней лежал гость. Конунг призывает его к себе и спрашивает, чей он сын.

Тот отвечает:

– Отца моего звали Торд по прозвищу Сутяга, а родом он был датчанин. Он жил в Дании на дворе, который зовется Грэнинг⁷.

– Сразу можно заметить, что ты человек видный, – говорит конунг.

Гест был не из тех, кто лезет за словом в карман. Он выделялся среди других людей ростом и на вид был силач, однако уже в преклонных годах. Он попросил у конунга разрешения пожить вместе с его дружинниками. Конунг спросил, крещеный ли он человек. Гест отвечал, что принял неполное крещение⁸.

Конунг сказал, что тот может остаться при дружине, –

– Но только ты недолго пробудешь у меня некрещеным.

Альв же тот оттого завел речь о замке, что Гест на ночь глядя перекрестился подобно остальным, хотя на самом-то деле все еще оставался язычником.

Конунг сказал:

– Владеешь ли ты какими-нибудь искусствами?

Тот отвечал, что умеет играть на арфе и рассказывать истории так, что другие находят их занимательными.

Тогда конунг сказал:

– Нехорошо поступает Свейн конунг⁹, разрешая некрещеным людям покидать его державу и ездить из страны в страну.

Гест отвечает:

– Здесь не в чем винить датского конунга, ведь я уехал из Дании задолго до того, как Отта кейсар велел сжечь Датский Вал и принудил Харальда конунга сына Горма и Хакона ярла-язычника принять христианство¹⁰.

Конунг расспрашивал Геста о многих вещах, и тот всегда отвечал на все его расспросы хорошо и разумно.

Люди говорят, что Гест этот пришел к Олаву конунгу на третий год его правления. В тот же год к нему явились два человека, оба они носили имя Грим и были посланцами Гудмунда с Гла-сисвеллир¹¹. Они принесли конунгу в подарок два рога, которые им дал Гудмунд, и сказали, что оба они также зовутся Гримами. У них были и другие поручения к конунгу, о чем еще будет сказано после¹².

Теперь надо рассказать о том, что Гест остался у конунга. Ему отвели самое дальнее место на скамье, где сидели гости¹³. Человек он был благовоспитанный и обходительный, и все относились к нему доброжелательно и с уважением.

2. Гест бьется об заклад с дружинниками

Незадолго до Рождества воротился домой Ульв Рыжий¹⁴ со своими людьми. Все лето он разъезжал, выполняя поручения конунга, а осенью на него была возложена обязанность охранять в Вике¹⁵ пределы страны от набегов датчан. У него было в обычае проводить середину зимы вместе с конунгом.

Ульв привез конунгу много отменных сокровищ, которые он добыл летом. Там было одно золотое запястье, оно называлось Хнитуд¹⁶. Это запястье было спаяно в семи местах, и каждая его часть отличалась цветом, изготовлено же оно было из куда лучшего золота, чем другие обручья. Ульв получил его от бонда по имени Лодмунд, а прежде им владел Хальв конунг, чьим именем стали называть Хальвовых воинов¹⁷, которые силой отняли это запястье у Хальвдана конунга Ильвинга¹⁸. А взамен Лодмунд попросил Ульва, чтобы тот оберегал его усадьбу и заручился для него поддержкой Олава конунга. Ульв пообещал ему это.

И вот конунг сидит в Трандхейме и празднует там Рождество с большою пышностью. А на восьмой день Рождества Ульв преподносит Олаву конунгу запястье Хнитуд, выкованное из червонного золота. Конунг благодарит Ульва за подарок и за всю его верную службу, которую он от него всегда видел. Запястье пускают в круговую по всему покою, потому что в те времена в Норвегии еще не строили пиршественных палат¹⁹. Люди передают его из рук в руки, и каждый показывает его соседу, и кажется им, что прежде им никогда не доводилось видеть такого превосходного золота, как то, что пошло на его изготовление. Под конец оно добирается до скамьи, на которой сидели гости, а там и до Геста-чужака. Тот взглянул на него и тотчас же передал назад, положив запястье на ладонь, в которой держал до того кубок. Не больно приглянулось ему это сокровище, так что он не стал ничего о нем говорить и, как и прежде, продолжал оживленно беседовать со своими товарищами.

Слуга как раз наполнял кубки на дальнем конце стола, где сидели гости. Он спрашивает:

– Ну как, понравилось вам запястье?

– Еще бы, – отвечали они. – Всем, кроме Геста, который тут недавно. Он едва взглянул на него, и сдается нам, это оттого, что ему и дела нет до таких вещей.

Слуга идет в глубь покоя, подходит к конунгу и передает ему слова гостей, прибавив, что недавно прибывший гость, когда ему показали сокровище, даже не обратил на него внимания.

– Этот пришелец, возможно, человек более сведущий, чем ты думаешь. Пускай приходит ко мне утром и расскажет какую-нибудь историю.

И вот гости сидят на дальней скамье и беседуют. Они допытываются у вновь прибывшего гостя, не случилось ли ему прежде видеть драгоценное запястье вроде этого, а может даже и лучше.

Гест отвечает:

– Коль уж вы удивляетесь, что я был так скуп на похвалы, скажу вам, что мне и впрямь доводилось видеть золото, которое не то что ни в чем не уступает этому, но, верно, будет и получше.

Тут конунговы люди прямо-таки покатались со смеху и стали говорить, что вот теперь, мол, начнется потеха:

– Может ты непрочь побиться с нами об заклад, что ты и вправду видал золото не хуже этого, и сможешь это доказать? Ставим четыре марки серебра²⁰, а ты поставь свой нож и ремень²¹, и пускай конунг рассудит, кто из нас прав.

Гест говорит тогда:

– Не бывать ничему из того, что вы задумали: вам не удастся выставить меня на посмешище, и я не проиграю в споре, который вы предлагаете. И все же я готов побиться с вами об заклад и поставить на кон то, что вы сказали, а конунг пусть решит, на чьей стороне правда.

На этом они прекращают разговор. Гест берет за свою арфу и весь вечер допоздна играет на ней, да так хорошо, что все заслушались. Лучше всего он исполнил Напев Гуннара²², а когда закончил его, Древние Козни Гудрун²³. Прежде люди никогда их не слышали. После этого все отправились спать.

3. Гест выигрывает заклад

На другой день конунг встает спозаранку и слушает заутреню, и после ее окончания идет к столу со своими дружинниками. А когда он уселся на престол, к нему подходит толпа гостей, и Гест с ними, и докладывают ему о своем уговоре и о том, на что они давеча побились об заклад.

Конунг отвечает:

– Не очень-то мне по душе этот ваш поступок, хотя вы и поставили на кон собственные деньги. Догадываюсь, что причиной всему брага, которая бросилась вам в головы. По мне, если Гест не против, всего разумнее было бы отказаться от этой затеи.

Гест отвечает:

– Я желаю, чтобы наш уговор оставался в силе.

Конунг сказал:

– Сдается мне, что в этом деле мои люди рискуют куда больше, чем ты, однако мы это скоро проверим.

После этого они ушли и отправились пировать. А когда пиршественные столы были убраны, конунг призывает к себе Геста и говорит ему:

– Теперь ты обязан предъявить какое-нибудь золото, если только оно у тебя есть, дабы я мог решить, кто из вас останется в выигрыше.

– Как вам будет угодно, государь, – сказал Гест.

Тут он принимается рыться в кошеле, что при нем был, вынимает из него узелок, развязывает его и что-то протягивает конунгу. Конунг видит, что это обломок седельной пряжки, и замечает, что изготовлен он из отменного золота. Тогда он велит принести запястье Хнитуд.

И как только это было сделано, конунг сравнивает золотую пряжку с запястьем, а потом говорит:

– Что и говорить: то золото, что предъявил Гест, намного лучше, и это скажет любой, кто на него посмотрит.

Все согласились с конунгом. Затем он объявил Геста победителем в споре. Гости решили, что они остались в дураках.

Тогда Гест сказал:

– Забирайте свои деньги, так как мне ничего не нужно. Однако советую вам впредь не биться об заклад с незнакомыми людьми, поскольку, как знать, не подвернется ли вам среди них кто-то, кому довелось повидать и услышать побольше вашего. А вас, государь, я хочу поблагодарить за решение, которое вы вынесли.

Конунг сказал:

– А теперь я желаю, чтобы ты рассказал, откуда у тебя то золото, что ты носишь с собой.

Гест отвечает:

– Не хотелось бы мне об этом говорить, потому что мало кто поверит моему рассказу.

– И все же мы желаем послушать его, – говорит конунг, – тем более, что прежде ты обещал нам рассказать свою историю.

Гест отвечает:

– Если я расскажу вам, как ко мне попала эта золотая пряжка, надо думать, вам захочется услышать и другие истории.

– Весьма возможно, – говорит конунг, – что так и будет.

4. Гест рассказывает о Вёльсунгах

– Коли так, я расскажу о том, как я отправился на юг в Страну Франков²⁴. Захотелось мне самому убедиться, правду ли говорят о княжеских обычаях и великолепии Сигурда сына Сигмунда, о его красоте и отваге. Пока я не добрался до Страны Франков и не явился к Хьяльпреку конунгу²⁵, не случилось ничего такого, о чем следовало бы упомянуть. У этого конунга была многолюдная дружина. Был там тогда Сигурд сын Сигмунда, сына Вёльсунга, и Хьёрдис дочери Эйлими. Сигмунд пал в битве с сыновьями Хундинга, а Хьёрдис вышла за Хальва, сына Хьяльпрека конунга. Сигурд провел там детство и рос вместе с другими сыновьями Сигмунда конунга. Всех превосходили силой и статью Синфьётли и Хельги, который убил Хундинга конунга и за это был прозван Убийцей Хундинга²⁶. Имя третьего сына было Хамунд²⁷. И все же первейшим из братьев был Сигурд. Всем известно также, что Сигурд был благороднейшим из военных предводителей, и в древние времена не было никого лучше него²⁸.

Тогда же явился к Хьяльпреку конунгу Регин сын Хрейдмара. Он был искуснейшим из людей и карлик ростом²⁹. Был он мудр, свиреп и сведущ в колдовстве. Регин очень любил Сигурда и научил его множеству вещей. Он рассказывал о своих предках³⁰ и об удивительных событиях, которые произошли прежде³¹. Я успел пробыть там совсем недолго и поступил, подобно многим, на службу к Сигурду. Все очень любили его за то, что он был добр, снисходителен и щедр к нам.

5. О сыновьях Хундинга

Как то раз пришли мы в дом к Регину, и Сигурда ждал там радужный прием³². Регин сказал тогда такую вису:

1. Явился сюда
Сигмунда сын,
витязь отважный,
в жилище наше;

велика его мощь,
а я уже стар,
от алчного волка
жду лишь вражды³³.

А еще он сказал:

2. Храброго в сече
научу я всему,
отпрыска Ингви³⁴,
коль явился он к нам.
Славнее под солнцем
не сыщешь князя,
слухом о нем
будут полниться земли³⁵.

Сигурд был тогда постоянно с Регином, и тот много рассказывал ему о Фафнире. Он сказал, что тот лежит на Гнитахейде, приняв облик змея, и что росту он огромного. Регин сделал Сигурду меч, который звался Грам. Был он таким острым, что, когда Сигурд окунул его в Рейн, а навстречу ему пустил по течению хлопья шерсти, меч разрезал их надвое. Затем Сигурд рассек этим мечом наковальню Регина. После этого Регин принялся подстрекать Сигурда убить его брата Фафнира и сказал такую вису³⁶:

3. Хохотом встретили б
сыны Хундинга,
те, что у Эйлими
отняли жизнь³⁷,
весть, что мужу
искать милее
красные кольца,
чем мстить за отца.

После этого Сигурд снаряжается в поход и собирается идти войной на сыновей Хундинга, и Хьяльпрек конунг дает ему большое войско и несколько боевых кораблей. Были в этом походе

вместе с Сигурдом брат его, Хамунд, и Регин карлик. Был там и я, тогда-то и прозвали они меня Норна-Гестом³⁸. Хьяльпрек конунг успел хорошо узнать меня, когда он был в Дании с Сигмундом сыном Вельсунга. Сигмунд был тогда женат на Боргхильд, однако они расстались из-за того, что Боргхильд убила Синфьётли, сына Сигмунда, дав ему яду³⁹. Затем Сигмунд взял в жены на юге в Стране Франков Хьёрдис дочь Эйлими, которого убили сыновья Хундинга, так что Сигурд должен был отомстить и за своего отца, и за отца своей матери.

Хельги сын Сигмунда, которого называли Убийцей Хундинга, приходился братом Сигурду, которого позднее прозвали Убийцей Фафнира. Хельги, брат Сигурда, сразил Хундинга конунга и троих его сыновей – Эйольва, Херрёда и Хьёрварда. Люнгни же и двоим его братьям, Альву и Хемингу, удалось спастись⁴⁰. То были могучие и славные воины, но Люнгни превосходил остальных братьев. Все они были весьма сведущи в колдовстве. Они подчинили себе многих мелких конунгов, сразили множество храбрых воинов, пожгли немало городов и учинили великое разорение в Испании и в Стране Франков. В те времена власть кейсара не простерлась еще на север по другую сторону гор⁴¹. Сыновья Хундинга захватили владения Сигурда в Стране Франков, и у них было там многочисленное войско.

6. Сигурд сразил сыновей Хундинга

Теперь надо рассказать о том, что Сигурд готовился сразиться с сыновьями Хундинга⁴². У него было большое и хорошо вооруженное войско. Регин давал немало советов, направляя это воинство. При нем был меч, который звался Ридиль. Он выковал его сам. Сигурд попросил Регина одолжить ему этот меч. Тот дал его Сигурду, а взамен попросил его убить Фафнира, когда он воротится из этого похода. Сигурд пообещал ему это.

Затем мы поплыли на юг вдоль берега. Там нас застигла большая буря, вызванная колдовством, и многие сочли, что это подстроили сыновья Хундинга. После этого мы стали держаться поближе к берегу. Тут мы заметили на одном мысе, который

выдавался в море среди прибрежных утесов, какого-то человека. Он был одет в зеленый плащ и синие штаны, обут в высоко зашнурованные башмаки, а в руке держал копьё. Человек этот обратился к нам со стихами⁴³:

4. Кто скачет тут
на конях Ревиля⁴⁴
по вздыбленным водам,
по морю ревущему?
Ваш парус забрызган
пенной морской.
Волны скакунам⁴⁵
ветр не помеха.

Регин сказал в ответ:

5. Сюда мы с Сигурдом
морем приплыли.
Смертью самою
ветр нам послан.
Вздыбились волны
выше бортов,
ныряет конь реи⁴⁶.
Кто нас вопрошает?

Человек в плаще сказал:

6. Хникар⁴⁷ я звался,
когда радовал врана,
Вёльсунг, повсюду
чиня расправу.
Нынче зови меня
человек на скале,
Фенг или Фьельнир⁴⁸.
На корабль мне надо!

Мы пристали к берегу. Буря стала быстро стихать, и Сигурд предложил этому человеку взойти на корабль. Тот так и сделал.

После этого непогода тотчас же унялась, и задул ласковый попутный ветер.

Человек уселся у ног Сигурда. Он был настроен благодушно и сказал, не желает ли тот спросить у него какого-нибудь совета. Сигурд отвечал, что он непрочь, и сказал, что по всему видно, что тот может быть хорошим советчиком, коли пожелает помочь людям. Сигурд сказал человеку в плаще:

7. Хникар, скажи-ка,
знаменья ты знаешь
у людей и богов:
что доброй приметой
пред битвою станет,
коль сталь нам пытаться?⁴⁹

Хникар сказал:

8. Много есть добрых,
– да ведомы ль людям? –
примет в лязге стали⁵⁰.
По мне: лучший спутник
вран темнокрылый
для дерева Хротти⁵¹.

9. А вот и вторая:
коли ты вышел,
к отъезду готовый, –
увидеть двоих
пред собой на дороге
воинов славных.

10. А третья такая:
коль вой ты услышишь
под ясенем волчий.
И точно к удаче
шелома шести⁵²,
коль их первым заметишь.

11. Никто из мужей
 биться не должен,
 к Мани сестре
 обратившись склоненной⁵³.
 Победу получит,
 кто смотрит в оба,
 храбр в играх клинков
 иль построится клином.
12. Беда велика,
 коль ты споткнешься,
 на бой собираясь:
 то коварные дисы⁵⁴
 по бокам твоим стали
 и увечья сулят.
13. Умыт и причесан
 всяк должен быть
 и сыт спозаранку,
 ибо как знать,
 что вечер сулит.
 Не след бежать от удачи⁵⁵.

После этого мы поплыли на юг вдоль побережья Хольтсета-ланда⁵⁶ на восток Страны Фризов⁵⁷ и пристали там к берегу. Сыновья Хундинга тотчас же узнают о нашем походе, созывают войско и в короткое время собирают огромную рать. И когда мы встретились, завязалась жаркая битва. Люнгни был отважнее всех и всегда шел впереди своих братьев, однако все они сражались мужественно. Сигурд бросался в бой так яростно, что все отступали перед ним, потому что всякий страшился его меча Грама, а Сигурда никто не мог заподозрить в малодушии. И когда они с Люнгни сошлись, то не скупилась на удары и бились со всею храбростью. Люди на время перестали сражаться и, обернувшись, следили за их поединком. Долго ни одному из них не удавалось нанести рану другому, настолько искусно они оба владели оружием. Затем братья Люнгни вновь бросились в бой и перебили множество народу, а иных обратили в бегство. Тогда Хамунд, брат Сигурда, выступил им навстречу, а вместе с ним и я, и

произошло еще одно столкновение. А между Сигурдом и Люнгни дело закончилось тем, что Сигурд взял Люнгни в плен и на него были надеты оковы. И вскоре после того, как Сигурд присоединился к нам, дело приняло другой оборот: тут сыновья Хундинга пали со всем своим войском. Затем стемнело и наступила ночь.

А наутро, когда рассвело, Хникар исчез, и с тех пор никто его не видал. Люди решили, что это, верно, был Один.

Потом принялись совещаться, какой смерти предать Люнгни. Регин предложил вырезать у него на спине кровавого орла⁵⁸. Регин принял от меня свой меч и рассек им спину Люнгни, вырезал из нее ребра и затем вытащил легкие. Так погиб Люнгни с большим мужеством. Регин сказал тогда:

14. Кровавый орел
 широким клинком
 у недруга Сигмунда
 вырезан сзади.
 Редкий смельчак,
 поля обagrивший,
 конунга родич,
 что радовал врана⁵⁹.

Они захватили там огромную добычу. Вся она досталась воинам Сигурда, потому что сам он не пожелал ничего брать. Взятые ими одежда и оружие стоили больших денег.

Затем Сигурд убил Фафнира и Регина, поскольку тот задумал предать его⁶⁰. Взял тогда Сигурд золото Фафнира и уехал с ним. С тех пор его прозвали Убийцей Фафнира. После этого он поехал наверх на гору Хиндархейд и нашел там Брюнхильд⁶¹, и о том, что между ними произошло, рассказывается в саге о Сигурде Убийце Фафнира⁶².

7. О Сигурде и Старкаде сыне Сторверка

Затем Сигурд взял в жены Гудрун дочь Гьюки⁶³. Некоторое время он оставался у Гьюкунгов, своих шурьев. Я был с Сигур-

дом на севере в Дании. Был я вместе с ним и тогда, когда конунг Сигурд Кольцо⁶⁴ послал сыновей Гандальва⁶⁵, своих свояков, к Гьюкунгам, Гуннару и Хёгни, и потребовал, чтобы те платили ему дань, а не то он пойдет на них войной, однако они предпочли защищать свою страну. Тогда сыновья Гандальва разметили орешниковыми жердями поле боя⁶⁶ на границе владений Гьюкунгов, а затем отправились восвояси. Гьюкунги же попросили Сигурда Убийцу Фафнира биться вместе с ними в предстоящем сражении. Тот согласился. Я и тогда был с Сигурдом. После этого мы опять поплыли на север в Хольтсеталанд и пристали к берегу в месте, которое зовется Ярнамодир⁶⁷. Неподалеку от этой гавани были поставлены орешниковые жерди там, где должна была произойти битва.

Тут мы увидели, что с севера плывет множество кораблей. Во главе их были сыновья Гандальва. Оба войска двинулись навстречу друг другу. Сигурд Кольцо не был там, поскольку в это время он должен был защищать свою страну, Швецию, от набегов куров и квенов⁶⁸. Сигурд был тогда очень стар. Затем войска сошлись и вступили в бой, и разгорелась жаркая и кровавая битва. Сыновья Гандальва храбро сражались, так как они отличались от других людей и ростом, и силой.

В этом войске выделялся один воин, рослый и могучий. Он разил и людей, и коней, и никто не мог перед ним устоять, так как он больше походил на великана, чем на человека. Гуннар попросил Сигурда напасть на этого злодея, не то, сказал он, не видать им победы. И вот Сигурд выступил против того огромного человека, и с ним еще несколько воинов, однако почти все они последовали за ним безо всякой охоты. Вскоре мы оказались подле него, – говорит Гест, – и Сигурд спросил, как его зовут и откуда он родом. Тот отвечал, что имя его Старкад сын Сторверка⁶⁹, а родом он с севера с Фенхринга⁷⁰, что в Норвегии.

Сигурд сказал, что ему уже приходилось слышать о нем, и чаще всего дурное.

– Такие люди не останавливаются ни перед какими злодеяниями.

Старкад сказал:

– Кто это поносит меня на чем свет стоит?

Сигурд назвал себя.

Старкад сказал:

– Это тебя прозвали Убийцей Фафнира?

– Так и есть, – говорит Сигурд.

Старкад попытался было удрать, однако Сигурд бросился за ним. Он поднял свой меч Грам, размахнулся и нанес ему удар рукоятью в челюсть, да так, что вышиб у него два коренных зуба. Это был жестокий удар. Затем Сигурд приказал этому негодяю убираться прочь. Старкад поспешил унести оттуда ноги. Я же взял один из тех зубов и оставил его себе. Теперь он подвешен на колокольном канате в Дании⁷¹, и в нем семь унций весу, и люди приходят туда поглядеть на него и дивятся.

После того как Старкад бежал, сыновья Гандальва также обратились в бегство. Мы захватили там большую добычу. Затем конунги отправились восвояси и некоторое время сидели в своих владениях.

8. Как Гесту досталось золото

Спустя некоторое время дошли до нас слухи о подлом злодействе, которое совершил Старкад, когда он убил в купальне конунга Али⁷².

Как-то раз, когда Сигурд Убийца Фафнира отправился на одну встречу, случилось ему по дороге заехать в болотце. Тут конь его Грани прынул вверх с такою прытью, что на нем лопнула подпруга и застежка от нее упала на землю. Я увидел, как она блестит в грязи, поднял и отнес Сигурду, а он отдал ее мне. Это – то самое золото, что вы видели давеча. Потом Сигурд спешился, и я обтер его коня и смыл с него грязь. Я тогда выдернул волос из его хвоста, чтобы иметь доказательства того, как велик был Грани.

Тут Гест предъявил этот волос, а был он длиною в семь локтей⁷³.

Олав конунг сказал:

– Истории твои кажутся мне весьма занятными.

Тут все принялись расхваливать его рассказы и превозносить его за доблесть. Конунг пожелал, чтобы он поведал им еще мно-

гое другое о событиях, свидетелем которых он стал во время своих странствий⁷⁴. И вот до позднего вечера Гест рассказывает им всякие занимательные истории. Потом люди отправились спать.

На следующее утро конунг велит призвать Геста и желает и дальше беседовать с ним.

Конунг сказал:

– Что-то я никак не пойму, сколько же тебе лет. Да и как такое может быть, чтобы ты был так стар, что сам мог присутствовать при всех этих событиях? Придется тебе рассказать нам еще какую-нибудь историю, чтобы мы смогли в этом разобраться.

Гест отвечает:

– Я так и знал, что, коли расскажу, как было дело с тем золотом, тебе наверняка захочется послушать и другие мои истории.

Конунг сказал:

– Так и есть. А ну-ка, расскажи еще.

9. О Брюнхильд и сыновьях Лодброка

– А теперь нужно еще рассказать о том, – говорит Гест, – что я отправился на север в Данию и поселился там в усадьбе, которую унаследовал от отца, потому что он вскоре умер. Спустя немного времени до меня дошла весть о гибели Сигурда и Гьёкунгов, и я счел это величайшим событием.

Конунг сказал:

– Что ж послужило причиной смерти Сигурда?

Гест отвечает:

– Большинство людей рассказывают, что Готторм сын Гьюки пронзил его спящего мечом, когда он лежал в постели у Гудрун⁷⁵, а немецкие мужи говорят, что Сигурд был убит в лесу⁷⁶. Синицы же поведали, что Сигурд с сыновьями Гьюки ехали на какую-то сходку⁷⁷ и что будто бы они его тогда и убили. Однако все согласны в том, что они напали на него лежащего и не готового к защите и предали его.

Тут один из дружинников спрашивает:

– А как к этому отнеслась Брюнхильд?

Гест отвечает:

– Брюнхильд убила тогда семерых своих рабов и пятерых рабынь, а себя пронзила мечом и приказала отвезти вместе с ними на костер и сжечь. Был тогда сложен один костер для нее, а другой для Сигурда, и сперва был сожжен он, а потом Брюнхильд. Ее отвезли на повозке, покрытой бархатом и пурпурными тканями, и вся она сияла от золота. Так ее и сожгли⁷⁸.

Тогда люди принялись расспрашивать Геста, не произнесла ли Брюнхильд, уже мертвая, какой-нибудь песни. Он сказал, что так и есть. Они попросили его рассказать ее, если он умеет.

Гест сказал:

– Когда Брюнхильд везли на костер по дороге в Хель⁷⁹, проезжали мимо скал, где жила одна великанша. Она стояла перед входом в пещеру в меховой одежде и черная с виду.

В руке у нее была длинная хворостина⁸⁰. Она сказала:

– Я хочу положить эту хворостину на твой костер, Брюнхильд, но было бы куда лучше, если б ты была сожжена заживо за свои козни, потому что это из-за тебя был убит Сигурд Убийца Фафнира, достойнейший муж, о котором я часто заботилась. И я отмщу тебе за это, сложив про тебя такую песнь, что ты станешь ненавистна всякому, кто услышит, что в ней говорится.

После этого Брюнхильд с великаншей принялись обмениваться стихами. Великанша сказала:

15. Только посмей
пересечь мой двор –
обнесен он камнями,
крепка ограда.
Лучше б ткала ты,
да ткань расправляла,
чем к нам в палаты
незванной соваться!

16. Почто пришла,
неверная, в дом мой,
из Валланда⁸¹ к нам
зачем пожаловала?

Волков привечала:
не жалея корма,
вдосталь поила
кровью людской.

Тогда сказала Брюнхильд:

17. Меня не брани,
в скалах живущая,
хоть прежде бывать
мне случалось в походах.
Из нас двоих, верно,
я слыла б лучшей,
когда б ведали люди,
какого я рода.

Великанша сказала:

18. Брюнхильд, была ты,
Будли дитя⁸²,
на свет рождена
на горькое горе.
Гьюки сынам
принесла ты погибель⁸³
да разоренье
их доброму дому.

Брюнхильд сказала:

19. Поведать тебе
всю правду готова,
обманщица, коли
узнать ты хочешь,
как Гьюки сыны
меня принуждали
жить без любви
и клятвы презреть⁸⁴.

20. В гневе принудил
доблестный конунг –
восемь сестер
под дубом ютились⁸⁵.
Двенадцать зим⁸⁶
мне минуло, знай же,
когда юному князю
я клятвы давала.

21. В Хель прямиком
затем я послала
ведьмина брата,
Хьяльм-Гуннара старого,
победу отдав
Ауды брату.
Тем прогневила
я Одина сильно.

22. Заточил за щитами
меня в Скаталанде⁸⁷,
алы и белы
сомкнулись тарчи.
Тому присудил он
сон мой рассеять,
кто в жизни вовек
страха не ведал.

23. Взметнул вкруг укрытья
на юг глядящего,
волка дерев⁸⁸
высоко пылать.
Тому лишь судил
пробраться сквозь пламя,
кто Фафнира мне
перину⁸⁹ везет.

24. Храбрый на Грани
гривен даритель⁹⁰
въехал в чертог,
где наставник мой правил⁹¹.
Не было лучше
в дружине данов⁹²
юного викинга,
чем муж отважный.
25. В постели одной
мы почивали,
делили ложе,
как брат с сестрою.
Не смели рукой
руки коснуться
восемь ночей⁹³,
бок о бок лежа.
26. Винула меня
Гудрун дочь Гьюки –
что я де у Сигурда
спала в объятьях.
Тогда лишь узнала,
того не желая:
коварным был муж мне
навязан обманом⁹⁴.
27. Знать, еще долго
себе ж на горе
мужам и женам
на свет рождаться.
Сигурд, с тобой нам
вовек не расстаться.
Теперь немедля
сгинь с глаз, великанша!

- Тут великанша издала страшный вопль и бросилась в горы.
Конунговы дружинники говорят:
– Это занятная история. Расскажи-ка еще что-нибудь.
Конунг сказал:
– Не стоит больше рассказывать о подобных вещах.
Потом конунг спросил:
– А не случилось ли тебе бывать у сыновей Лодброка⁹⁵?
Гест отвечает:
– Я пробыл с ними совсем недолго. А пришел я к ним, когда они воевали на юге, неподалеку от гор Мундиафьёлль⁹⁶, и разрушили Вифильсборг⁹⁷. В то время они на всех наводили ужас, так как, где бы они ни появлялись, они всегда одерживали победу. И вот решили они двинуться на Румаборг⁹⁸.
Как-то раз приходит к конунгу Бьёрну Железный Бок один человек⁹⁹ и приветствует его. Конунг хорошо принял его и спросил, откуда он держит путь. Тот отвечает, что идет с юга из Румаборга.
Конунг спрашивает:
– И как долго ты шел оттуда?
Тот отвечает:
– Взгляни на мои башмаки, конунг.
Тут снимает он с ног железные башмаки, и сверху они толще некуда, зато снизу сильно истерты.
– Вы можете судить по моим башмакам, как далека дорога в Румаборг: вон как им досталось!
Конунг сказал:
– Видать, путь туда совсем не близок. Пожалуй, мы повернем назад и не станем воевать в Румарики¹⁰⁰.
Они так и сделали и не стали продолжать свой поход. Войско немало подивилось тому, что из-за слов какого-то человека так поспешно переменили принятое прежде решение. Затем сыновья Лодброка отправились восвояси, на север, и больше не совершали набегов на юг.
Конунг сказал:
– Ясно, что это святые мужи в Риме воспротивились их нашествию, и, скорее всего, то был дух, посланный Богом. Это-то и заставило их столь внезапно отказаться от своего замысла и не

учинять разорения в самом священном месте Иисуса Христа – в Румаборге.

10. При каком дворе Гесту больше всего понравилось

Потом конунг спросил Геста:

– У кого же из конунгов, которых ты посетил, тебе больше всего понравилось?

Гест говорит:

– Самой большой отрадой для меня было находиться у Сигурда и Гьюкунгов. Что же до сыновей Лодброка, то у них людям жилось всего привольнее. Нигде не было такого недостатка, как у Эйрика в Уппсале¹⁰¹. А конунг Харальд Прекрасноволосый¹⁰² строже, чем кто-нибудь из названных прежде конунгов, соблюдал придворные обычаи. Довелось мне также побывать у конунга Хлёдвера в Стране Саксов¹⁰³, и там я принял неполное крещение, а иначе мне нельзя было бы там оставаться, так исправно придерживались там христианской веры. Там-то мне и пришлось по душе больше всего.

Конунг сказал:

– Видно, о многом ты мог бы еще поведать, если бы мы стали тебя расспрашивать.

И вот конунг задает Гесту множество вопросов, и тот на все отвечает толково и обстоятельно, а немного погодя говорит:

– А теперь я должен рассказать вам, отчего я был прозван Норна-Гестом.

Конунг сказал, что охотно послушает.

11. Предсказание норн¹⁰⁴

– Случилось это, когда я воспитывался в доме моего отца, в месте, которое зовется Грэнинг. Отец мой был человек богатый и жил на широкую ногу. В те времена по стране разъезжали вёльвы – так называли провидиц, которые предсказывали людям будущее. Поэтому люди приглашали их к себе и устраивали для них угощение, а на прощание давали им подарки. Так же посту-

пил и мой отец, и вот они явились к нему со своей свитой¹⁰⁵, чтобы предсказать мою судьбу. Когда они собрались произнести свое пророчество, я лежал в колыбели и надо мною горели две свечи. Они стали говорить, что меня ждет, и сказали, что я сделаюсь очень удачливым человеком и преуспею куда больше, чем кто-либо из моих предков, а также сыновей хёвдингов¹⁰⁶ по всей стране, и что все будет именно так, как они предрекли. Самая же младшая из норн сочла, что ей оказывают меньше уважения, чем двум другим, к которым относились с большим почтением, а те даже не спросили ее мнения по поводу столь важных пророчеств. Вдобавок там собралась целая толпа невеж, которые столкнули ее со скамьи, так что она упала на землю.

Это ее страшно рассердило. И тогда она в гневе возвысила свой голос и потребовала, чтобы они прекратили сулить мне благо, –

– Ибо вот что я судила ему: мальчик этот проживет не дольше, чем будет гореть свеча, что зажжена подле него.

Тогда старшая вёльва взяла эту свечу, потушила ее и наказала моей матери беречь ее и не зажигать вплоть до последнего дня моей жизни¹⁰⁷. Затем провидицы собрались и ушли. Они связали молодую норну и так и увели ее, а мой отец дал им на прощание богатые дары. Когда же я вырос, моя мать отдала мне на хранение ту свечу, и она и теперь при мне.

Конунг спросил:

– Что же привело тебя к нам?

Гест отвечает:

– Вот что мне взбрело на ум: я подумал, что встреча с вами может принести мне удачу, поскольку мне вас очень расхваливали добрые и мудрые люди.

Конунг сказал:

– А не хочешь ли ты принять святое крещение?

Гест отвечает:

– Хочу, коли таков будет ваш совет.

Так и произошло. Конунг приблизил Геста к себе и относился к нему с большой любовью. Он сделал его своим дружинником. Гест стал хорошим христианином и во всем следовал обычаям, которых придерживался конунг. Люди также любили его.

12. Смерть Геста

Однажды конунг спросил Геста:

– Как долго тебе бы хотелось еще прожить, будь это в твоей власти?

Гест отвечает:

– Совсем недолго, коли на то будет Божья воля.

Конунг сказал:

– А что случится, если ты достанешь свою свечу?

Тогда Гест вынул из короба, в котором он хранил свою арфу, свечу. Конунг велел зажечь ее, и его распоряжение было исполнено. И когда свеча была зажжена, она стала быстро таять.

Конунг спросил у Геста:

– Сколько ж тебе лет?

Гест отвечает:

– Мне уже минуло три сотни¹⁰⁸ лет.

– Стар ты очень, – сказал конунг.

Затем Гест лег и попросил, чтобы его помазали елеем. Конунг распорядился, чтобы его просьбу выполнили. И когда это было сделано, от свечи оставался всего лишь маленький огарок. Увидали тут люди, что Гест отходит. Вскоре свеча догорела, и Гест умер, и все сочли его смерть весьма удивительной. Конунг также придавал большое значение его историям и почитал за правду то, что он поведал о своей жизни.

Прядь сохранилась в составе “Большой саги об Олаве Трюггвасоне” в “Книге с Плоского Острова” (*F* – последняя четверть XIV в.), в фрагменте той же саги в рукописи AM 62 fol. (*S*), относящейся к середине XIV в., а также в качестве отдельного рассказа в рукописи XV в. GkS 2845 4to (*A*). Различия между имеющимися редакциями пряди незначительны, наиболее существенные из них отражены в комментариях к настоящей публикации – первой на русском языке. Перевод выполнен по изд.: Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson bjó til prentunar. Akureyri, 1954. Bd. I. Bls. 307–335 (в этом издании воспроизведена редакция *F*), при этом отдельные разночтения приводятся по изд.: Nornþone Skrifur af Sagnhistorisk Indhold / S. Bugge. Christiania, 1864 (публикация редакции *S*). Цитируемые в рассказе эддические песни приведены здесь в версии “Пряди о Норна-Гесте” (что идет вразрез с распространенной издательской практикой: обычно поэтические вставки даются в редакции “Королевского кодекса” (*R*) “Старшей Эдды”) и были переведены специально для настоящей публикации.

¹ *Олав конунг сын Трюггви сидел в Грандхейме* – норвежский конунг-миссионер (995–1000). *Грандхейм* – ныне Трённелаг, область на северо-западе Норвегии, где находилась резиденция конунга.

² *Будь нашим гостем, как бы тебя ни звали* – *Gestr* по-исландски означает “гость” и “чужак”; так нередко представлялись те, кто желал сохранить свое инкогнито.

³ *В ту же самую ночь* – В рукописи *S* прядь открывается словами: “Как-то раз конунг Олав сын Трюггви бодрствовал и читал молитвы на своем ложе...”, после чего излагается нижеследующая сцена, в результате которой и происходит знакомство конунга с Гестом.

⁴ *альв* – В скандинавской мифологии альвами (ср. эльфы) называли низших духов плодородия, в том числе почитаемых умерших конунгов; сохранились сведения о жертвоприношениях альвам (*álfaþlót*), которые совершались в начале зимы. Снорри Стурлусон в “Младшей Эдде” проводит различие между светлыми и темными альвами. Последние чернее смолы и живут под землей, тогда как светлые альвы прекрасны и населяют великолепный Альвхейм (мир альвов).

⁵ *Крепок замок, да домок-то пуст!* – Прототипом для этого эпизода послужил рассказ из “Диалогов” Григория Великого. Речь в нем идет об иудее, который был вынужден во время своего странствия заночевать в храме Аполлона и, убоявшись “нечистого” места, сотворил, не будучи христианином, крестное знамение. Обнаружившие его в храме злые духи не причинили ему никакого вреда: «“Горе нам, – сказали они. – Горе нам! Пуст сосуд, но запечатан (*uas uacuum et signatum*)”, – и с этими словами исчезли» (кн. III, гл. 7; см.: Harris J., Hill Th.D. *Gestr's 'Pime Sign': Source and Signification in Norna-Gests þáttur* // Arkiv för nordisk filologi. 1989. Bd. 104. P. 113 ff.). Замена “сосуда” в анало-

гичной исландской фразе на “пустой дом” (tómu húsi) может быть вызвана реминисценцией евангельского текста (Матф. 12:43-45).

6 *исчезает за закрытыми дверями* – Этот же фольклорный мотив (способность проникать сквозь закрытые двери) присутствует в “Пряди о Торлейве Ярловом Скальде”.

7 *Грэнинг* – Græningr – по-видимому, “побег”, “прорастающая зелень”.

8 *принял неполное крещение* – Имеется в виду обряд prima signatio, т. е. осенение обращаемого крестом и чтение над ним молитв (оглашение). Этот обряд предшествовал крещению и позволял принявшему его жить как среди христиан, так и среди язычников. Ср. объяснение преимуществ, которые давало неполное крещение, в “Саге об Эгиле” (гл. 50): “Конунг предложил Торольву с братом принять неполное крещение. Это был распространенный обычай у торговых людей и у тех, кто нанимался к христианам, потому что принявшие неполное крещение могли общаться и с христианами, и с язычниками, а веру они себе выбирали ту, какая им больше нравится” (ИС, I, 114).

9 *Свейн конунг* – датский конунг Свейн Вилобородый [986(?)–1014].

10 *Отта кейсар велел сжечь Датский Вал и принудил Харальда конунга сына Горма и Хакона ярла-язычника принять христианство* – Речь идет о походе Оттона II, императора Священной Римской империи (973–983) в Данию в 974 г. Согласно “Саге об Олаве Трюгвасоне” (см. “Круг Земной”. С. 112–114), одержав победу, император вынудил датского конунга Харальда Синезубого сына Горма (ок. 940 – ок. 986) и его союзника норвежского ярла Хакона Могучего (975–995) принять крещение. Есть основания полагать, однако, что Харальд принял христианство значительно раньше, около 960 г.; Хакон же, едва расставшись с императором, совершил большое жертвоприношение Одину и до конца оставался язычником. *Датский Вал* – Даневирке, оборонительный вал для защиты южной границы Дании, отделявший Ютландию от немецких земель; сооружен в Шлезвиге в начале IX в. Остатки этого вала сохранились и поныне. Из слов Геста, как сказано далее, явившегося к Олаву Трюгвасону на третий год его правления, т. е. в 997 или 998 г., конунг мог заключить, что он уехал из Дании не позднее чем за четверть века до их встречи.

11 *Гудмунда с Гласисвеллир* – легендарный персонаж, фигурирующий во многих сагах и прядях о древних временах (ср. “Сагу о Хервёр и Хейдреке” и др.); по одним версиям – колдун из Бьярмии (полулегендарной северной страны), по другим – языческий конунг Ётунхейма. Название его владений, Гласисвеллир (букв. “Поля Гласир”), возможно, связано с именем мифологической рощи Гласир, находящейся в Асгарде перед воротами Вальгаллы: согласно “Младшей Эдде”, “все листья в ней из красного золота”.

12 *оба они также зовутся Гримами. У них были и другие поручения к конунгу, о чем еще будет сказано после* – Поскольку упомянутые Гримы больше не фигурируют в рассказе, судя по всему, это отступление принадлежит редактору компиляции. В непосредственно следующей за “Прядью о Норна-Гесте” в “Книге с Плоского Острова” “Пряди о Хельги сыне Торира” о визите Гри-

мов, посланцев Гудмунда с Гласисвеллир, говорится подробно. Согласно этому рассказу, получив подарки Гудмунда, конунг Олав велит напоить обоих Гримов из доставленных ими рогов. Обнаружив, что епископ сотворил молитву над поднесенной им брагой, Гримы в гневе выплескивают ее и, затушив огни, убивают в темноте троих дружинников, а затем покидают королевские палаты, прихватив с собою героя рассказа, Хельги.

13 *гости* – слуги короля, выполнявшие различные поручения своего господина и служившие его посланцами; их положение было ниже, чем у дружинников.

14 *Ульв Рыжий* – знаменосец Олава в битве при Свельде, оборонявший нос Великого Змея (см. КЗ, 161).

15 *в Вике* – область в Юго-Восточной Норвегии, вокруг Ослофьорда.

16 *Хнитуд* – букв. “спаянное”, или “скованное”.

17 *Хальв конунг, чьим именем стали называть Хальвовых воинов* – легендарный норвежский конунг и его славные дружинники, персонажи “Саги о Хальве и воинах Хальва”.

18 *у Хальвдана конунга Ильвинга* – Ильвинги – название шведского и датского королевских родов (однако в эддических песнях о Хельги Убийце Хундинга Сигмунд и его сыновья именуется не только Вельсунгами, но и Ильвингами). В саге о конунге Хальве и его воинах этот эпизод отсутствует.

19 *по всему покою, потому что в те времена в Норвегии еще не строили пиршественных палат* – Под “покоем” (herbergi) имеется в виду помещение, в котором конунг и дружинники днем пировали, а ночью спали.

20 *четыре марки серебра* – марка равнялась восьми эйрирам (унциям).

21 *нож и ремень* – традиционное общее место в сагах и прядях, где эти личные вещи нередко служат вещественными доказательствами и средством идентификации того, при ком они были обнаружены (ср. “Сага о Ньяле”, гл. 47–49; “Сага о Хальвфреде Трудном Скальде”, гл. 9; “Прядь о Хрои Простаке”).

22 *Напев Гуннара* – Видимо, имеется в виду утраченная эддическая песнь, о которой также сообщается в “Саге о Вельсунгах” (гл. 39) и в прозе, сопровождающей песни цикла о Сигурде в “Старшей Эдде” (см. “Убийство Нифлунгов”: СЭ, 127). Будучи связан и брошен по приказу Атли в змеиный ров, Гуннар играет на посланной ему сестрой арфе, ударяя по струнам пальцами ног с таким искусством и так сладко, что усыпляет всех змей, кроме одной злобной гадюки, от укуса которой он и умирает.

23 *Древние Козни Гудрун* – Принято считать, что речь может идти о еще одной утраченной героической песни; не исключено, однако, что имеется в виду “Подстрекательство Гудрун” или “Древняя Песнь о Гудрун” (см. в русском переводе “Вторая Песнь о Гудрун”). Ссылка на последнюю из этих песней содер- держится в гл. 9 пряди в редакции S (см. примеч. 77).

24 *в Страну Франков* – Фраккланд, т. е. Рейнская область, где франки жили в V в.

25 *к Хьяльпреку конунгу* – Согласно “Саге о Вельсунгах” (гл. 12) и “Младшей Эдде”, Хьяльпрек был конунгом в Ютландии, однако в пряди он правит Страной Франков.

- 26 *прозван Убийцей Хундинга* – Хельги был сыном Сигмунда и Боргхильд (благодаря этому браку Сигмунд стал также и датским конунгом). В “Старшей Эдде” Хельги посвящено две песни.
- 27 *Хамунд* – второй сын Сигмунда и Боргхильд.
- 28 В этой части рассказ Геста явно опирается на прозаическую главу “Старшей Эдды”, “О смерти Синфьётли”, предшествующую песни “Пророчество Грипира”, а иногда и дословно воспроизводит ее. Однако некоторые отличия, в частности форма, в которой приводится имя сына Хьяльпрека, за которого после гибели Сигмунда вышла Хьёрдис, – Альв (а не Хальв) могут указывать на то, что в распоряжении автора пряди был какой-то иной, хотя и близкий к “Codex Regius”, список “Эдды”.
- 29 *карлик ростом* – Эту же характеристику находим в прозаическом вступлении к эддическим “Речам Регина”, однако уже в следующей песни “Старшей Эдды”, “Речах Фафнира” (строфа 38), Регин назван “инеисто-холодным ётуном”: естественно предположить, что, как и его брат Фафнир, Регин принадлежал к роду великанов.
- 30 Этой фразой заканчивается фрагмент о Регине, который автор пряди заимствовал из прозаического вступления к эддическим “Речам Регина” (ср. СЭ, 100).
- 31 *об удивительных событиях, которые произошли прежде* – Очевидно, имеется в виду изложенное в первой части “Речей Регина” и опущенное здесь сказание о том, как Локи убил брата Регина, Отра, который плавал в водопаде в образе выдры, после чего Один, Хёнир и Локи были схвачены сыновьями Хрейдмара и им пришлось заплатить выкуп: набить шкуру выдры, а также засыпать ее снаружи золотом. Это золото боги отняли у карлика Андвари вместе с кольцом; и на то и на другое прежний владелец наложил проклятье: богатство это принесет гибель всякому, кому оно достанется. После того как асы, выполнив требование Хрейдмара, набили и засыпали шкуру выдры золотом, расставшись при этом и с кольцом Андвари, которым пришлось закрыть торчавший наружу кончик его усов, Хрейдмар погибает от рук своего сына Фафнира, пронзившего спящего отца, чтобы завладеть золотом.
- 32 *Сигурда ждал там радушный прием* – Начало главы, первые три строфы и прозаический рассказ, предвещающий третью строфу, имеют своим источником эддические “Речи Регина” (строфы 13–15 с сопровождающей их прозой).
- 33 *от алчного волка жду лишь вражды* – неоднократно встречающаяся в сагах поговорка (ср., например, в “Саге о людях из Лососьей Долины”, гл. 19: “от голодного (букв. “жадного”) волка следует ожидать нападения”). Неясно, к кому относятся слова Регина: к Сигурду или к его брату Фафниру.
- 34 *отпрыска Ингви* – т. е. Сигурда. *Ингви* – имя бога Фрейра (Ингви-Фрейр); Фрейр, однако, был родоначальником не Вельсунгов (их прародителем считался Один), а Инглингов, королевского рода, правившего в Норвегии и в Швеции.

- 35 *слухом о нем будут полниться земли* – В “Королевском кодексе” строфа 14 “Речей Регина” заканчивается иначе: “лежат по всем странам / нити судьбы”.
- 36 *сказал такую вису* – Автор пряди (или переписчик?) ошибся: эту вису произносит не Регин, а Сигурд (так в “Речах Регина”), отвечающий на подстрекательства своего воспитателя тем, что ему не пристало отправляться добывать золото Фафнира, пока он не отомстил сыновьям Хундинга за убитых родичей.
- 37 *у Эйлими отняли жизнь* – О том, что конунг Эйлими, дед Сигурда с материнской стороны, был убит сыновьями Хундинга, также говорится в “Пророчестве Грипира” (строфа 9) и в “Саге о Вельсунгах” (гл. 11). Сигмунд и Люнгни сын Хундинга одновременно посватались к Хьёрдис дочери Эйлими; после того как она выбрала себе в мужа Сигмунда, сыновья Хундинга собрали войско и вызвали Сигмунда на бой; в этом сражении пал Сигмунд, а с ним и Эйлими.
- 38 *прозвали они меня Норна-Гестом* – Прозвище героя разъясняется позднее (см. гл. 11).
- 39 *расстались из-за того, что Боргхильд убила Синфьётли, сына Сигмунда, дав ему яду* – По преданию, Боргхильд отомстила пасынку за убийство своего брата. Подробный рассказ об этом содержится в “Старшей Эдде” (“О смерти Синфьётли”, см. примеч. 28), а также в “Саге о Вельсунгах” (гл. 10).
- 40 *Альву и Хемингу, удалось спастись* – Согласно “Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга”, Хельги сразил четверых сыновей Хундинга – Альва, Эйольва, Хьёрварда и Херварда.
- 41 *В те времена власть кейсара не простерлась еще на север по другую сторону гор* – Имеется в виду либо возрождение Западно-Римской империи Карлом Великим в 800 г., либо создание Священной Римской империи германским королем Оттоном I в 962 г.
- 42 *Сигурд готовился сразиться с сыновьями Хундинга* – Это сражение описывается в “Саге о Вельсунгах” (гл. 17).
- 43 *обратился к нам со стихами* – Здесь и в дальнейшем автор пряди опирается на “Речи Регина”, приводя эту песнь до конца и при этом внося немало добавлений в прозаический текст: так, ни в “Старшей Эдде”, ни в “Саге о Вельсунгах” нет ни слова об облике незнакомца, в них также не сказано прямо, что бурия, в которую попало войско Сигурда, была вызвана колдовством.
- 44 *на конях Ревилья* – на кораблях; *Ревилья* – имя морского конунга, т. е. предводителя викингов (Ревилья был сыном Бьёрна Железный Бок, сына Рагнара Лодброка, о котором рассказывается в одном из последующих эпизодов пряди).
- 45 *Волны скакунам* – кораблям.
- 46 *конь реи* – корабль.
- 47 *Хникар* – одно из имен Одина (букв. “подстрекатель к бою”).
- 48 *Фенг или Фьельнир* – имена Одина: *Фенг* – “добытчик” (но не исключено, что одновременно и “добыча”); *Фьельнир* – “многознающий” (одно из возможных толкований этого имени; в “Саге об Инглингах” оно принадлежит сыну Ингви-Фрейра).

- 49 Предполагается, что 7–13 строфы “Речей Регина” интерполированы из некоей гномической песни (они и сложены в отличном от предшествующих строф размере льодахатт), содержанием которой были советы бога юному воину (см.: *Sijmons B., Gering H. Die Lieder der Edda. Halle, 1931. Dritter Band: Kommentar. Zweite Hälfte: Heldenlieder. S. 177*).
- 50 *в лязге стали* – в битве.
- 51 *для дерева Хротти* – для воина (*Хротти* – меч Фафнира).
- 52 *шеломы шесты* – воины.
- 53 *к Мани сестре обратившись склоненной* – т. е. обратившись лицом к заходящему солнцу: в этих стихах отразилась вера в то, что восток приносит удачу, а запад – несчастье. *Мани* – месяц, в скандинавской мифологии месяц и солнце (исл. *sól* – “солнце” женского рода) – брат и сестра.
- 54 *дисы* – духи-двойники людей.
- 55 *Не след бежать от удачи* – По-видимому, в этих словах подводится итог всем поучениям Хникара (= Одина).
- 56 *Хольтсеталанда* – Гольштейна.
- 57 *Страны Фризов* – Германское племя фризов населяло все южное и юго-восточное побережье Северного моря, а также западное побережье Шлезвига.
- 58 *вырезать у него на спине кровавого орла* – жестокая казнь, якобы практиковавшаяся викингами. Согласно описаниям этого обычая в других скандинавских текстах, “кровавого орла” изображали вынутые из рассеченной спины и оттянутые вперед в виде крыльев ребра предаваемого смерти. Имеются, однако, достаточные основания полагать, что “кровавый орел” в сообщениях саг (все они, как считается, восходят к описанию казни английского короля Эллы сыновьями Рагнара Лодброка и не старше XII в.) – результат ошибочной интерпретации процитированных автором “Саги о Рагнаре” стихов скальда Сигвата, которые на деле не содержат ничего, кроме традиционного для поэзии скальдов условного описания поверженного в бою противника, чью плоть терзают когтями и клювами орлы (см.: *Frank R. Viking atrocity and Skaldic verse: The Rite of the Blood-Eagle // English Historical Review. 1984. Vol. 99. P. 332–343*).
- 59 Большинство исследователей считают эту строфу позднейшим добавлением к песни. В “Саге о Вэльсунгах” (гл. 17) рассказывается, что Люнгни, подобно остальным сыновьям Хундинга, пал в бою от рук Сигурда.
- 60 *Сигурд убил Фафнира и Регина, поскольку тот задумал предать его* – Об этом рассказывается в эддических “Речах Фафнира”, а также в “Саге о Вэльсунгах” (гл. 18–20).
- 61 *поехал наверх на гору Хиндархейд и нашел там Брюнхильд* – В прозаическом вступлении к эддическим “Речам Сигдривы” рассказывается, что Сигурд поднялся на гору Хиндарфьялль и увидел там яркий свет, “как будто горел огонь, и зарево стояло до самого неба”. Приблизившись, он обнаружил ограду из щитов, а внутри нее – спящую женщину в боевых доспехах. Разбуженная им валькирия назвалась Сигдривой, однако в соответствующем эпизоде “Саги о Вэльсунгах” (гл. 21) она носит имя Брюнхильд.

- 62 *рассказывается в саге о Сигурде Убийце Фафнира* – Неизвестно, имеется ли в виду “Сага о Вэльсунгах” (см. гл. 22, 24–32) или какая-то более ранняя сага. В “Старшей Эдде” история взаимоотношений Сигурда и Брюнхильд отсутствует: она была изложена в утраченных песнях, записанных на недостающих листах рукописи (о лакуне в “Королевском кодексе” см. СЭ, 184, 241).
- 63 *Гьюки* – живший в начале V в. правитель бургундов, чье имя известно из “Lex Burgundionum” (лат. *Gibica*, ср. *Gifca* в др.-англ. поэме “Видсид”). Бургундское королевство на среднем Рейне просуществовало до 437 г., когда оно было разгромлено гуннами. Также историческим является имя одного из Гюнкунгов, т. е. сыновей Гьюки – Гуннара (= Гунтер в “Песни о Нибелунгах”), которое восходит к имени бургундского короля Гундихария.
- 64 *конунг Сигурд Кольцо* – легендарный король Швеции и Дании, отец Рагнара Кожаные Штаны (Лодброка; см. примеч. 95) и племянник датского конунга Харальда Боезуба, победитель в самом прославленном на Севере сражении “древних времен” – в битве народов на Бравеллир. Подробный рассказ о нем содержится в “Отрывке саги о древних конунгах” и в “Деяниях датчан” Саксона Грамматика (кн. VII).
- 65 *послал сыновей Гандальва* – По всей видимости, Альвар и Аварин, сыновья конунга Гандальва, упоминающиеся в “Отрывке саги о древних конунгах”, где они названы “своиками” и в прошлом “дружинниками и домохозяевами” конунга Сигурда Кольцо (гл. 8). Не исключено, что нижеследующий эпизод пряди мог опираться именно на этот источник: сохранившийся фрагмент саги, посвященный древним правителям данов и свеев, обрывается на сообщении о том, что, когда конунг Сигурд был уже стар, сыновья Гандальва обратились к нему за помощью, собираясь идти войной на конунга Эйстейна, правившего в Вестфольде. Остается неясным, однако, отношение названных персонажей к героям сказания о Вэльсунгах. В “Круге Земном” также упоминаются сыновья Гандальва – Хюсинг, Хельсинг и Хаки, правители Вингульмёрка и Альвхеймара (земель у южной границы между Норвегией и Швецией), и говорится об их вражде с конунгами Вестфольда – Хальвданом Черным и его сыном Харальдом Прекрасноволосым; соответствующие события относятся, таким образом, к IX в.
- 66 *разметили орешниковыми жердями поле боя* – Об обычае обозначать границы поля, где предстояла битва, или место, где вершился суд, вехами из ветвей орешника см., например, в “Саге об Эгиле” (гл. 46, 52).
- 67 *Ярнамодир* – *Járnafóðir* – букв. Железный Береговой Припай. Указывалось на то, что в Средние века в Гольштейне были большие леса, в названиях которых присутствовал тот же начальный компонент (*lagna* – “Железный”).
- 68 *от набегов куров и квенов* – *Куры* – племя, населявшее западную часть Курляндии; столкновения скандинавов с курами упоминаются в “Саге об Эгиле” (гл. 46). *Квены*, по-видимому, финское племя, жившее на побережье Ботнического залива, также упоминается в “Саге об Эгиле” (гл. 14).

⁶⁹ *Старкад сын Сторверка* – легендарный скандинавский герой, могучий викинг, чья история наиболее последовательно рассказывается в “Деяниях датчан” (кн. VI, VIII), а также в одной из частей исландской “Саги о Гаутреке”. По преданию, он был рожден шестируким великаном, однако Тор придал ему человеческий облик, обрубив четыре руки, а Один, его воспитатель, наделил Старкада богатством, доблестью и способностью сочинять стихи так же быстро, как он говорил, и пообещал, что тот станет одерживать победу во всякой битве, и, кроме того, назначил ему жить три человеческих века; Тор же предрек, что в каждый из них он совершит гнусный поступок и ему не суждено будет оставить после себя потомства. По приказанию Одина Старкад приносит ему в жертву норвежского конунга Викара, которому он служил, затем без причины покидает поле боя и, наконец, убивает своего друга, конунга Али (см. примеч. 72), в дружине которого он сражался на стороне конунга Сигурда Кольцо в битве на Бравеллир.

“Прядь о Норна-Гесте” не единственный исландский рассказ, в котором Старкад изображен гротескно и противопоставлен безупречному герою Сигурду (ср. “Прядь о Торстейне Морозе”, где сравнивается поведение обоих героев в аду, куда они оба попали как язычники: Старкад и там уступает Сигурду в мужестве). В “Старшей Эдде” Старкад упомянут во “Второй Песни о Хельги Убийце Хундинга”, где он назван сыном конунга Гранмара и погибает в битве с Вельсунгами – Синфьётли и Хельги, т. е. задолго до рождения Сигурда. Со всем иначе описывает его конец Саксон Грамматик (кн. VIII): дряхлый, полуслепой и утомленный годами Старкад, страшась встретить свой бесславный конец в постели, решает пасть от рук благородного воина и принуждает случайно повстречавшегося ему сына убитого им прежде военачальника лишить его жизни из мести.

⁷⁰ с *Фенхринга* – остров у берегов Хёрдаланда в Норвегии, где Старкад воспитывался в детстве.

⁷¹ на *колокольном канате в Дании* – В других рукописях имеется уточнение: “в Лунде, в Дании”. Лунд, где в 1104 г. было учреждено первое в Скандинавии архиепископство, как и вся южношведская область Сканей (совр. Сконе), принадлежал датскому королевству. Об “отделившемся” от его владельца гигантском зубе Старкада неоднократно упоминается в средневековых скандинавских хрониках. Первое из таких свидетельств, возможно, относится к более раннему времени, чем описанная в пряди сцена. В датских “Риенских анналах” (“*Annales Ryenses*”, XIII в.) сообщается, что в 1252 г. немецкий рыцарь Хенрик Эмэльгорп вывез из Дании в Германию “удивительную вещь – зуб величиной в шесть пальцев”, принадлежавший Старкаду. В исландских анналах “*Lögmannsannáll*” рассказывается, что в 1404 (или 1405) году священник Арни Олавссон во время своего путешествия на континент помимо четырех великих священных реликвий – покровов Девы Марии и Иоанна Крестителя, а также свивальника и пояса Иисуса Христа – видел в одном месте (как полагают, в Аахене) рукоять меча Сигурда Убийцы Фафнира, который,

“как говорят, был длиною в десять футов”, и зуб длиной и шириной в три пяди, “ранее бывший во рту” у Старкада Старого.

⁷² о *подломе злодейства, которое совершил Старкад, когда он убил в купальне конунга Али* – В рукописях пряди ошибочно названо другое имя: Армод. Имеется в виду рассказ, содержащийся в “Деяниях датчан” (кн. VIII): правление жестокого тирана Али (лат. Оло) было настолько ненавистно жителям Зеландии, что 12 его военачальников сговорились предать его смерти и с этой целью подкупили друга конунга, Старкада, который и умертвил его в купальне. Старкад затем горько сокрушался и раскаивался в содеянном, в результате чего убил кое-кого из тех, кто склонил его к совершению этого злодеяния. Согласно “*Sage об Инглингах*” (“Круг Земной”), Оло – это датский конунг Али Смелый, сын Фридлейва, который победил шведского конунга Ауна и просидел 20 лет конунгом в Уппсале, “пока его не убил Старкад Старый” (гл. 25).

⁷³ *был он длиною в семь локтей* – т. е. более трех метров: один локоть равнялся 48 см.

⁷⁴ о *событиях, свидетелем которых он стал во время своих странствий* – так в редакции *S*, тогда как в рукописи *F*, вероятно из-за смешения слов *frænda* “родичи” и *ferða* “странствия”, находим: “о происшествиях, которые приключились с его родичами”. Гест, однако, рассказывает не о членах своего рода, а о прославленных героях древности.

⁷⁵ *Готторм сын Гьюки пронзил его спящего мечом, когда он лежал в постели у Гудрун* – Выдвигая различные версии убийства Сигурда, автор пряди с некоторыми отступлениями (см. ниже) воспроизводит прозаическую преамбулу к “Первой Песни о Гудрун”, озаглавленную “О смерти Сигурда”. О том, что Сигурд был убит в постели младшим из Гьюкунгов, Готтормом, в отличие от Гуннара и Хёгни, не связанным с Сигурдом клятвой побратимства, рассказывается в “Краткой Песни о Сигурде”, а также в “*Sage о Вельсунгах*” и “Младшей Эдде”. В “Подстрекательстве Гудрун” и “Речах Хамдира” говорится, что Сигурд был убит в постели братьями Гудрун.

⁷⁶ *немецкие мужи говорят, что Сигурд был убит в лесу* – Помимо немецкого варианта сказания – “Саги о Тидреке Бернском” и “Песни о Нибелунгах”, этой версии придерживается и эддическая “Вторая Песнь о Гудрун”.

⁷⁷ *Синицы же поведали... ехали на какую-то сходку* – аллюзия на более ранний эпизод сказания о Нифлунгах: в “Речах Фафнира” рассказывается, что, когда Сигурд, убив Фафнира, поджаривал его сердце и слизнул с пальца сочившуюся из него кровь, он стал понимать, о чем щебечут синицы, и так узнал от них о предательстве Регина и спящей валькирии. В рукописи *S*, как и в прозаическом вступлении к “Первой Песни о Гудрун” – “О смерти Сигурда”, на который опирается автор пряди, утверждение о том, что Сигурд был убит по дороге на сходку, приписывается не синицам, а “Древней Песни о Гудрун” (т. е. так называемой “Второй Песни о Гудрун”: по-видимому, эта версия возникла в результате неверного истолкования одного места из этой песни). Не ис-

- ключено, что ссылка на синиц появилась благодаря последующему замечанию, предворяющему эддическую “Первую Песнь о Гудрун”: “Говорят, что Гудрун отведала сердца Фафнира и поэтому понимала язык птиц”.
- 78 Автор пряди пересказывает здесь прозаическое вступление к “Краткой Песни о Сигурде” (единственное отличие – согласно “Эдде”, Брюнхильд велела убить восьмерых рабов), а затем к “Поездке Брюнхильд в Хель”: эта песнь цитируется далее почти целиком (пропущена лишь 7-я строфа).
- 79 *Когда Брюнхильд везли на костер по дороге в Хель* – Вопреки прозаическому рассказу в “Старшей Эдде”, предпосланному приведенной им песни, автор пряди явно относит встречу героини с великаншей ко времени, когда Брюнхильд еще не была сожжена.
- 80 *длинная хворостина* – в рукописи S: “горящая хворостина”.
- 81 *из Валланда* – здесь: из южных стран; обычно – название Франции, кельтских и романских земель.
- 82 *Будли дитя* – Согласно сказанию о Нифлунгах, Брюнхильд была дочерью Будли, короля гуннов, и приходилась сестрой Атли (Аттиле).
- 83 *Гьюки сынам принесла ты погубель* – Слова великанши намекают на события, последовавшие за смертью Брюнхильд: мечь Атли Гуннару и Хёгни.
- 84 *клятвы презреть* – Брюнхильд отождествляется в этой песни с усypленной Одинем и разбуженной Сигурдом валькирией Сигрдривой, с которой этот герой обменялся клятвами (см. “Сага о Вельсунгах”, гл. 22).
- 85 *В гневе принудил... под дубом ютились* – В этой и следующей строфе идет речь о проступке Брюнхильд, вызвавшем гнев Одина. Процитированная в пряди первая полустрофа существенно отличается от общепринятого прочтения, основанного на редакции “Codex Regius”, где эти стихи представлены в ином варианте: “Доблестный конунг / наши одежды / восьми сестер / под дубом схватил” (принято считать, что здесь в сказание – не исключено, что под влиянием “Песни о Вёлунде”, – вплеся сказочный мотив девушек в лебяжьих рубашках, однако в пряди слово *harmi* – “одежда” заменено на *af harmi* – “в гневе”). Агнар, брат Ауды (он и есть *доблестный конунг*, чье имя проясняется лишь в следующей строфе), захватив восьмерых сестер-валькирий, заставляет одну из них – Сигрдриву-Брюнхильд – пообещать ему помощь в бою (см. вторую полустрофу). Согласно прозаическим пояснениям к “Речам Сигрдривы”, конунг Агнар, брат Ауды, вел войну с конунгом Хьяльм-Гуннаром, который был уже стар. Один пообещал последнему победу, однако Сигрдрива пошла против его воли и погубила Хьяльм-Гуннара в битве, а Один, в отместку за это, уколол ее шипом сна и постановил, что она больше никогда не победит в сражениях и будет выдана замуж (т. е. перестанет быть валькирией).
- 86 *Двенадцать зим* – согласно норвежскому и исландскому праву, возраст достижения совершеннолетия.
- 87 *в Скаталанде* – букв. в Стране Воинов (в “Codex Regius” здесь Skatalundi – в Роще Воинов). Это название больше нигде не встречается. Ранее было сказано, что Брюнхильд спала на горе Хиндархейд (или Хиндарфьялль).

- 88 *волка дерев* – пламя.
- 89 *Фафнира... перину* – золото. Великан Фафнир, приняв облик змея, лежал на поле Гнитахейд на золоте (выкупе за его брата Отра), которым он завладел после убийства Хрейдмара, своего отца, пока не был сражен Сигурдом, увезшим его клад. Поэтому золото обозначают в поэзии “перинной (или подстилкой) Фафнира” и сходными кеннингами.
- 90 *гривен даритель* – муж, здесь – Сигурд.
- 91 *где наставник мой правил* – конунг Хеймир, воспитатель Брюнхильд (о нем упоминается в “Речах Грипира”, см. строфы 19, 27–29).
- 92 *в дружине данов* – Приемным отцом Сигурда был Хальв (Альв), сын датского конунга Хьяльпрека.
- 93 *восемь ночей* – Согласно “Речам Грипира” (строфа 25) и “Саге о Вельсунгах” (гл. 29), Сигурд провел с Брюнхильд три ночи.
- 94 *коварным был муж мне навязан обманом* – Гуннар не смог выполнить условие, необходимое для того, чтобы получить в жены Брюнхильд, – проехать сквозь пламя, окружавшее ее жилище, – после чего поменялся обликом с Сигурдом, выдавшим себя за Гуннара.
- 95 *у сыновей Лодброка* – Ивар, Хвитсерк, Бьёрн Железный Бок и Сигурд Змей в Глазу, сыновья легендарного датского викинга IX в. Рагнара Лодброка (Кожаные Штаны – согласно одноименной саге, Рагнар получил это прозвище за то, что, собираясь биться с ядовитым змеем, облачился в кожаные штаны) и Аслауг, дочери Сигурда и Брюнхильд. Предания приписывают сыновьям Лодброка громкие победы в Скандинавии, на европейском континенте и в Англии, куда они вторглись, чтобы отомстить за гибель своего отца, Рагнара, плененного и брошенного в змеиный ров королем Нортумбрии Эллой. Как рассказывается в “Саге о Рагнаре” и “Пряди о сыновьях Рагнара”, Элла был побежден (после него правителем Англии стал сын Рагнара, Ивар) и подвергся той же казни, что и Люнгни сын Хундинга в “Пряди о Норна-Гесте”: на спине у него был вырезан кровавый орел (см. примеч. 58). Сообщения средневековых хронистов позволяют предполагать, что за этими легендарными героями стоят реальные викингские предводители, разорявшие Западную Европу в IX в. Самого Рагнара отождествляют с Регинхери, возглавившем поход на Париж в 845 г. Ивар (англ.-сакс. Inwæge), характеризуемый Адамом Бременским как “жесточайший”, – возможно, тождествен скандинавскому правителю Дублина Имхару (или Иомхару), умершему в 873 г. Бьёрн Железный Бок – викинг Берно, воевавший на Сене в середине IX в. (см. след. примеч.). Сигурд Змей в Глазу – датский король Sigifridus, вторгшийся в Париж в 885 г. В Скандинавии он считался предком (по материнской линии) конунга-объединителя Норвегии, Харальда Прекрасноволосого.
- 96 *Мундиафьялль* – Альпы. По сообщениям хронистов, в 856 г. Бьёрн Железный Бок принял участие в походе викингов, возглавляемых их вождем Хастингом, во Францию, а затем в 859–862 гг. – в Западное Средиземноморье, Испанию, Марокко и Северную Италию.

- ⁹⁷ *Вифильсборг* – Согласно “Саге о Рагнаре” (гл. 13), город был назван по имени его правителя, Вифиля; по-видимому, имеется в виду швейцарский город в кантоне Во – совр. Аванш.
- ⁹⁸ *Румаборг* – Рим.
- ⁹⁹ *один человек* – В рукописи *S* он назван по имени *Sones*, что дало основания для предположений о возможном заимствовании этого имени из старофранцузского рыцарского романа “*Sone(s) de Nansai*” (1250–1275), герой которого находился на службе у короля Норвегии. Приведенная далее история почерпнута из “Саги о Рагнаре” (гл. 13); в ней, однако, посетитель сыновей Лодброка остается безмянным.
- ¹⁰⁰ *Румарики* – Римская Держава. В действительности ок. 860 г. флот под предводительством датских военачальников Хастинга и Бьёрна Железный Бок, ранее воевавших во Франции, высадился в Италии с намерением захватить Рим, однако викингов подвело плохое знакомство с географией. Приняв за Рим один из хорошо укрепленных северно-итальянских приморских городов, Луна, они осадили его, но, по сообщению автора “Хроники Нормандии”, Дудо из монастыря св. Квентина (*Dudo of St. Quentin*), смогли взять, лишь прибегнув к хитрости: викинги проникли в город для совершения погребальной службы по своему внезапно умершему вождю, незадолго до смерти принявшему христианство (мотив, неоднократно используемый впоследствии в скандинавской литературе: в “Деяниях датчан” и в “Саге о Харальде Суровом”). Узнав, что захваченный им город не Рим, Хастинг пришел в ярость и приказал сжечь город и разграбить всю провинцию, чтобы оставить по себе память.
- ¹⁰¹ *у Эйрика в Уппсале* – Эрик Эмундарсон (или Энундарсон), шведский конунг, правивший во времена Харальда Прекрасноволосого (см. след. примеч.), умер в 882 г. *Уппсала* – имеется в виду Старая Уппсала, древняя столица Швеции.
- ¹⁰² *конунг Харальд Прекрасноволосый* – конунг из Вестфольда (на западном берегу Ослофьорда), сын Хальвдана Черного, который после победы в битве при Хаврсфьорде (ок. 872 г.) подчинил себе все норвежские фюльки и стал единовластным правителем Норвегии (ок. 860 – ок. 940 г.). Считается основателем норвежского государства и норвежской королевской династии.
- ¹⁰³ *у конунга Хлёдвера в Стране Саксов* – Людовик I Благочестивый, сын Карла Великого, король франков, император (814–840). Под Страной Саксов обычно подразумевается вся германская часть империи (саксы населяли северо-запад Германии и Голландии).
- ¹⁰⁴ *норн* – В скандинавской мифологии *норнами* называли трех дев – Урд (“судьба”), Верданди (“становление”) и Скульд (“долг”), живущих у источника Урд под ясенем Иггдрасиль. Как сказано в “Младшей Эдде”, “эти девы судят людям их судьбы... Есть еще и другие норны, те, что приходят ко всякому младенцу, родившемуся на свет, и наделяют его судьбою” (*МЭ*, 34). Очевидно, что именно последние фигурируют в рассказе о Норна-Гесте, однако в тексте пряди “норной” названа лишь самая младшая из сестер, которая и “судит судьбу” героя, тогда как в отношении двух других (и всех сестер вместе) употреб-

- ляется другой термин – *вёлва*, т. е. провидица, предсказательница. В сагах часто говорится о поездках вёлв по усадьбам и их предсказаниях (ср. “Сага об Эйрике Рыжем”, гл. 4).
- ¹⁰⁵ *явились к нему со своей свитой* – В “Саге об Оуде Стреле” рассказывается, что провидицу сопровождали 15 девочек и 15 мальчиков, которые участвовали в совершаемых ею ночных колдовских обрядах.
- ¹⁰⁶ *хёвдингов* – хёвдинг – знатный человек, предводитель.
- ¹⁰⁷ *не зажигать вплоть до последнего дня моей жизни* – сходный мотив находим в одном из вариантов древнегреческого мифа о Мелеагре. Как рассказывает Псевдо-Аполлодор, когда Мелеагру было семь лет, к его родителям, Алтею и Ойнею, пришли мойры и сказали: “Мелеагр умрет тогда, когда сжигаемая на жертвеннике головня сгорит дотла”. Услышав это, Алтея схватила головню и спрятала ее в ларец. После убийства Мелеагром братьев его матери, сыновей Тестия, Алтея сожгла головню, и Мелеагр внезапно умер (“Мифологическая библиотека”, кн. 1, VIII, 2); этот же миф изложен в “Метаморфозах” Овидия (кн. 8, ст. 445–525). Так называемый “мотив Мелеагра” широко представлен в греческом и турецком фольклоре, что, по всей видимости, указывает на его этолийское происхождение; впоследствии он распространился на север и северо-восток (установлено, что истории, весьма напоминающие сказание о Мелеагре, имеют хождение у румын, гагаузов, сербов, чувашей, а также литовцев и латышей). В некоторых версиях легенды об Ожье Датчанине этот герой-долгожитель (см. след. примеч.) покидает Авалон с горящей головней или факелом, в которых была заключена его жизнь. Наиболее близкая параллель к рассказу о Норна-Гесте – и притом единственная, в которой, как и в нашем рассказе, долголетие героя заключено в свече, – это турецкая легенда о Тракосарисе (букв. “Трехсотлетнем”), подобно Норна-Гесту, добровольно закончившем свои дни (в этой легенде, однако, отсутствует такой важный элемент, как “наречение судьбы”; см.: *Brednich R.W. Volkserzählungen und Volksglaube von den Schicksalsfrauen. Helsinki, 1964. S. 17–31*). Предполагается, что “мотив Мелеагра” в “Пряди о Норна-Гесте” может восходить как к ученым (латинским), так и к устным источникам. В исландском рассказе ему сопутствует другой известный фольклорный мотив: судьбу героя решают разгневанная норна и ее добрая сестра, смягчающая жестокий приговор (ср. дары фей в сказке “Спящая красавица”). В древнескандинавской традиции частичную параллель суду норн в “Пряди о Норна-Гесте” находим в “Саге о Гаутреке” (гл. 7), где Старкад подвергается аналогичному суду над его судьбой, в ходе которого Один дарует этому герою всевозможные доблести и блага, тогда как обиженный на его отца Тор всякий раз привносит в добрые посулы Одина свои “поправки”, обращая их против Старкада (см. также примеч. 69).
- ¹⁰⁸ *три сотни* – Обыкновенно под сотней имеется в виду так называемая большая сотня = 120, так что возраст Геста равнялся 360 годам. Этому имеется знаменитая параллель, впервые упоминаемая западноевропейскими хронистами XII и XIII вв. (в том числе Винсентом из Бове в “Историческом зеркале”),

которые сообщают о смерти в 1139 г. оруженосца Карла Великого, Johannes de Tempogibus, который прожил 361 год. Ходили истории и об оруженосцах-долгожителях Роланда и Оливье, причем некоторые из подобных сообщений принадлежат исландцам: так, в исландских анналах за 1259 г. есть запись о встрече с одним из воинов Карла Великого в Брюгге. Помимо рассказа о Норна-Гесте и “Пряди о Токи” (см. *ИС*, II, 461–464), для которой первый послужил образцом, в древнеисландской литературе немало и других примеров удивительного долголетия: так, Одду Стреле было предсказано прожить 300 лет; ср. также отмеренные Старкаду “три человеческих века”. Во всех случаях этих героев древних времен отличает не только необычная продолжительность жизни, но и богатырское телосложение.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ДРЕВНЕИСЛАНДСКАЯ “ПРЯДЬ о Норна-Гесте” получила известность прежде всего как один из основных текстов, в которых излагаются сказания о Сигурде, центральном персонаже германо-скандинавского героического эпоса о Нифлунгах-Нибелунгах, и цитируются две песни, входящие в этот знаменитый эддический цикл (“Речи Регина” и “Поездка Брюнхильд в Хель”). Закономерно поэтому, что исследователей этого рассказа издавна интересуют главным образом проблемы, которые возникают при сопоставлении истории о Норна-Гесте с другими памятниками того же круга – в первую очередь со “Старшей Эддой”, где к циклу о Сигурде и Нифлунгах принадлежит около двух десятков песней, и ее прозаическим переложением – “Сагой о Вэльсунгах”.

“Прядь о Норна-Гесте” – единственное произведение из всего этого комплекса текстов, в котором эпические сказания излагаются не повествователем, но самим героем рассказа, т. е. от первого лица, и таким образом оказываются вставленными в историю, не имеющую прямого отношения к описываемым в них событиям. Уже само по себе то обстоятельство, что перед нами “текст в тексте”, свидетельствует, что изложение сказаний о героях прошлого в данном случае вовсе не самоцель, как, например, в “Саге о Вэльсунгах”, но преследует некую особую задачу, осуществлению которой подчинены все разнородные части этого повествования. В чем могла состоять эта задача, и предстоит разобраться.

Принято считать, что “Прядь о Норна-Гесте” едва ли могла быть написана ранее конца XIII – начала XIV в. и что в ее нынешнем виде эта история лишь частично восходит к устной традиции. И действительно, как читатель уже имел возможность убедиться из пояснений к рассказу, его автор в значительной мере опирался на письменные источники – в том числе на весьма близкую к “Королевскому кодексу” (Codex Regius 2365, 4то, вторая половина XIII в.) запись эддического цикла о Сигурде, откуда, помимо пространных поэтических цитат, он нередко за-

имствовал и целые прозаические фрагменты, а также на так называемые саги о древних временах (“Сагу о Рагнаре Лодброке” и др.) и латинские “примеры” (exempla). Однако даже если согласиться с тем, что перед нами относительно позднее произведение, нельзя не заметить, что за ним проглядывают весьма древние прототипы. Так, фигура Норна-Геста, соратника Сигурда и Гьюкунгов (бургундских королей начала V в.), впоследствии перебивавшего у многих государей, которые на всем протяжении IX в., но в разное время правили кто в Скандинавских королевствах, а кто на европейском континенте, и наконец явившегося к Олаву Трюггвасону в 998 г., конечно же, заставляет вспомнить Видсида (букв. “Широкостранствующего”), вездесущего и всеведущего героя англосаксонской поэмы VII в., также не знавшего преград ни во времени, ни в пространстве. Последний, как известно, обошел север и юг Европы, посетив множество правителей III–VI вв.¹

Между тем рассказ о Норна-Гесте, судя по всему, имеет и гораздо более близкие прототипы в самой скандинавской традиции. В той же “Большой саге об Олаве Трюггвасоне” в “Книге с Плоского Острова”, в которую вплетена прядь, – отсюда и наименование “пряди” (др.-исл. þáttir, мн. ч. þættir), даваемое подобным рассказам, – мы находим эпизод, как полагают, послуживший для нее одним из образцов. Этот же эпизод содержится и в более ранней версии жизнеописания Олава Трюггвасона в “Круге Земном” Снорри Стурлусона, по времени предшествующей созданию “Пряди о Норна-Гесте”.

Как сообщается в саге, однажды, когда Олав Трюггвасон гостил в Эгвальдснесе на острове Кёрмт в юго-западной Норвегии, к нему явился посетитель – одноглазый человек в широкополой шляпе, “старый и очень красноречивый”, превосходный рассказчик. Конунгу очень понравились речи гостя и то, что тот всегда отвечал на все его расспросы, чего бы они ни касались: незнакомец “умел рассказывать обо всех странах” и “древних событиях”, так что конунг засиделся с ним допоздна. Среди прочего гость поведал Олаву о некогда правившем в тех местах воинственном конунге Эгвальде, приносившем жертвы и поклонявшемся одной корове, которую он непременно брал с собой во все

походы, считая для себя полезным всегда пить ее молоко; этот конунг и его корова были погребены неподалеку от усадьбы, где гостил Олав. Поскольку была уже поздняя ночь, епископ сказал конунгу, что пора ложиться спать, однако общение Олава с незнакомцем на этом не прекратилось: когда конунг разделся и лег в постель, “гость сел на ступеньку у его ложа и еще долго разговаривал с конунгом. Конунгу все хотелось услышать еще что-нибудь”. В результате епископ был вынужден вновь напомнить государю, что пора спать; только после этого гость ушел. Пробудившись, конунг велел позвать своего давешнего собеседника, однако того нигде не смогли отыскать. А наутро конунг призывает к себе повара и человека, который готовил питье, и спрашивает у обоих, не приходил ли к ним кто-нибудь незнакомый. Те отвечают, что, когда они принялись стряпать, к ним подошел какой-то человек и сказал, что “больно плохое мясо варят они к конунгову столу”, после чего дал им два больших жирных куска говядины, которые они и сварили вместе с другим мясом. Конунг распорядился выкинуть это варево, заявив, что, должно быть, то был не человек, а Один, “в которого язычники долго верили. Но Одину не удастся перехитрить меня”². Хотя в приведенном рассказе об этом не говорится прямо, можно полагать, что полученное поварами мясо на самом деле было кониной, употребление которой в пищу находилось под строжайшим запретом, поскольку конское мясо прочно ассоциировалось с язычеством, – речь, таким образом, идет о попытке Одина причинить вред конунгу-христианину, а возможно даже возратить его в языческое состояние. В “Книге с Плоского Острова” этот эпизод заканчивается несколько иначе: конунг Олав приказывает выбросить “отравленное” варево и произносит пространную речь о том, что посетитель его, по-видимому, был никто иной, как сам враг рода человеческого, явившийся в личине Одина и своими речами намеренно не дававший ему уснуть, с тем чтобы он проспал заутреню. Вопреки козням дьявола, конунг проснулся вовремя и, как положено доброму христианину, отправился на церковную службу (*Flat.* I, 375–376).

Весьма похожий эпизод встречается и в другом королевском жизнеописании, входящем в “Книгу с Плоского Острова”, – в

“Саге об Олаве Святом” (гл. 106). Здесь рассказывается, что к конунгу пришел как-то раз некий незнакомец, подобно нашему герою, назвавшийся Гестом (т. е. гостем), и попросил разрешения остаться при дружине; как и в “Пряди о Норна-Гесте”, конунг отвел ему дальнее место за своим столом, усадив на скамье для так называемых гостей (см. примеч. 13 в наших комментариях). Посетитель был бородат и носил широкий капюшон, скрывавший его лицо, а нрава оказался вздорного и грубого³. Невзирая на это, вечером, когда конунг уже был в постели, он призывает к себе Геста, и тот принимается развлекать его многочисленными историями о подвигах конунгов, правивших в прежние времена. После этого пришелец спрашивает у Олава, кем из древних конунгов ему больше всего хотелось бы быть. Конунг отвечает, что не желал бы быть язычником – ни конунгом, ни кем-либо другим. Гест продолжает настаивать: и все же, на кого из древних конунгов ему больше всего хотелось бы походить? Конунг повторяет, что не хотел бы походить ни на одного из правителей прежних времен, но коль уж его об этом спрашивают, он, пожалуй, желал бы не уступать в благородстве Хрольву Жердинке⁴, но лишь при условии, что оставался бы христианином и сохранял свою веру. Гест интересуется: отчего же он отдает предпочтение Хрольву Жердинке, а не тому, “кто выше его”, и разве Олаву не хотелось бы походить “на того конунга, который всегда одерживал победы над каждым, с кем бы он ни сражался в битвах, и был столь прекрасен и искусен в любых состязаниях, что не было ему равных в Северных Странах...”? Услышав слова Геста, конунг догадался, кто перед ним. Он сел на своем ложе, вооружился лежавшим подле него молитвенником, намереваясь запустить его в голову гостю, и сказал: “Меньше всего я хотел бы быть тобой, злой Один!” Гест исчез, а конунг решил, что это был “нечистый дух”, который, приняв облик Одина, попытался своими речами и уловками “набросить черную тень на светлейший цветок его святой веры” (*Flat.* II, 134–135).

При очевидном сходстве ситуаций, а также ряда мотивов, которые мы находим в этих эпизодах, с рассказом о Норна-Гесте нетрудно заметить, что в пряди они предстают в существенно преображенном виде. В фигуре гостя уже незаметно ничего оди-

нического, а его рассказы о правителях прошлого и их прославление вовсе не имеют своей целью соблазнить конунга-христианина и, отвратив его от истинной веры, склонить возвратиться к “древнему обычаю”, т. е. к язычеству. Если автор “Пряди о Норна-Гесте”, как предполагается⁵, действительно положил в основу своей истории эпизоды, в которых Один (или выступающий под его личиной дьявол) искушает христианского государя рассказами о героическом прошлом, то можно предположить, что он, скорее, постоянно отталкивался от них, используя присутствующие в них мотивы “с противоположным знаком”.

В самом деле, тогда как в обоих приведенных здесь эпизодах разговор конунга с гостем происходит в ночное время, в пряди Олав после знакомства с Гестом намеренно не вступает с ним ни в какие беседы, “поскольку день клонился к концу”. Сам же гость, в отличие от Одина, чья задача как раз и состояла в том, чтобы побольше рассказать о прошлом, весьма неохотно приступает к рассказу, мотивируя свое нежелание тем, что “мало кто поверит” его истории, а затем высказывает опасение, что от него могут потребовать и других историй. В противоположность вздорному и грубому посетителю Олава Святого, Гест характеризуется как человек благовоспитанный и обходительный, а потому внушающий симпатии окружающим. Точно так же, как и в эпизодах с Одином, конунг с величайшим интересом слушает рассказы гостя и постоянно требует от него все новых и новых историй, и все же в определенный момент он сам без чьих-либо напоминаний решает положить им конец: замечание Олава “Не стоит больше рассказывать о подобных вещах”, вне всякого сомнения, говорит о его нежелании долгие выслушивать истории о событиях языческих времен.

Трансформируя одну за другой отдельные составляющие эпизода встречи Олава с Одином, рассказчик пряди сохраняет, однако, его сердцевину – победу, одержанную христианским государем над язычеством. Эта тема заявлена уже в одной из начальных сцен рассказа, прототипом для которой послужил “пример” из “Диалогов” Григория Великого (см. примеч. 5 в наших комментариях): обнаружив, что его гость – человек некрещеный, Олав сразу же объявляет, что не намерен с этим мирить-

ся и Гест сможет остаться при его дворе, лишь приняв истинную веру. Тем самым введенный в, по всей видимости, старинный сюжет заимствованный элемент устанавливает начальную и конечную вехи рассказа, задавая общий “вектор” повествования: читателю сразу же дается понять, что, подобно иудею в латинском “примере”, Гесту в конце концов предстоит стать добрым христианином. Рассказ об искушении святого короля окончательно преобразуется, таким образом, в “прядь о крещении” – особую жанровую разновидность древнеисландских прядей, которые повествуют о том, как норвежский конунг (обычно Олав Трюгвассон) добивается обращения закоренелых язычников, так называемых *blótmenn* – “жертвователей”⁶, или же людей безрелигиозных, полагающихся исключительно на собственные силы и мощь⁷. Однако если в большинстве “прядей о крещении” миссионерская деятельность конунга наталкивается на упорное сопротивление его оппонента, а результат достигается вследствие физической победы, которую конунг (или его посланец), демонстрируя превосходство своего Бога, одерживает в единоборстве либо с обращаемым в новую веру, либо с идолами, которым тот поклоняется, то в “Пряди о Норна-Гесте” герой изначально предрасположен принять крещение. Это явствует уже из того, что Гест, следуя советам “добрых и мудрых людей”, по собственному почину является ко двору конунга-христианина в надежде, что встреча с Олавом пойдет ему во благо, и сразу же с готовностью соглашается принять святое крещение, тогда как один из традиционных мотивов (и зачинов) большинства “прядей о крещении” – отказ язычника прибыть к государю, несмотря на полученное им приглашение, за которым следует визит конунга к обращаемому.

Еще одно красноречивое свидетельство изначального желания гостя стать христианином – его ответ на вопрос конунга, при каком дворе ему больше всего понравилось, которым Олав подводит итог всем выслушанным им рассказам о прошлом (в нем довольно явственно слышен отзвук вопроса: кем из древних конунгов он хотел бы быть, заданный Олаву Святому Одному). Оказывается, что больше всего Гесту пришлось по душе его пребывание у короля Хлэдвера (Людовика Благочестивого), где ему

и пришлось принять неполное крещение, поскольку при дворе этого правителя “исправно придерживались христианской веры”. Как видим, перебивав за свою необычайно долгую жизнь у самых славных героев “древних времен”, Гест тем не менее отдает предпочтение христианскому королю... Поэтому вполне закономерен и его следующий шаг, когда он окончательно отказывается от язычества, становится добрым христианином и дружинником короля – крестителя Норвегии, Олава Трюгвассона. Отныне Гесту не к чему больше стремиться, его жизнь завершена, а потому он сам достает свою свечу, позволяет конунгу зажечь ее и мирно угасает вместе с ней.

Сходным образом поступает и другой долгожитель, герой “Пряди о Токи” (ИС, II, 461–464), рассказа, вставленного в “Книге с Плоского Острова” в “Сагу об Олаве Святом” и несомненно обязанного своим появлением “Пряди о Норна-Гесте”. Чувствуя приближение конца, Токи, которому было отпущено два человеческих века и назначено нигде не задерживаться дольше, чем на 12 месяцев, приходит к другому святому королю – Олаву Харальдссону, чтобы встретить смерть в крестильных белых одеждах. В обеих историях выбор, делаемый в конце жизни очевидцем и участником предшествующей “истории” – Токи также рассказывает королю и его дружинникам о своем пребывании у уже упоминавшихся ранее легендарных правителей древности, конунгов Хрольва Жердинки и Хальва (см. примеч. 17 в наших комментариях), – это красноречивый знак моральной победы христианского государя над властителями языческих времен. Слава и удача конунга – приверженца новой веры – приобретают в глазах искушенного посланца из прошлого большой вес, нежели великолепие, богатырская сила и небывалые подвиги героев древности, свидетелем которых он был.

Так рассказы о языческих древних временах, исполняемые ради просвещения и развлечения собравшихся в государевых палатах, имплицитно служат способом утверждения новых ценностей. Окончательное обращение, а вместе с ним и завершение жизненного пути последних сподвижников и свидетелей мощи великих героев древности подводит черту под отошедшей в прошлое языческой эпохой, знаменуя торжество нового “обычая”

(*siðaskipti*). Христианский смысл историй о Норна-Гесте и Токи, скрытое в них сравнение “старого” и “нового”, бесповоротный выбор в пользу истинной веры (оба героя в прошлом уже получили “неполное” крещение, позволявшее им беспрепятственно странствовать между миром христиан и миром язычников) и, наконец, избрание “наилучшего человека” для исполнения принятого решения – Олава Трюггвасона и Олава Харальдссона соответственно – все это, разумеется, и мотивирует включение обеих прядей в жизнеописание норвежских королей-миссионеров.

О популярности “Пряди о Норна-Гесте” свидетельствует последующее превращение ее героя в фольклорного персонажа, чье имя неоднократно появляется в фарерских балладах, а именно в цикле о Сигурде (*Sjúrdar kvæði*). Норна-Гест выступает в них в качестве великого воина и ближайшего соратника Сигурда, с которым они вместе совершают громкие подвиги. В одной из баллад он даже отправляется с Сигурдом в Хольмгард (Новгород), где они оба вступают в борьбу с великаном!⁸ Переход и длительное бытование в фольклорной традиции не могли не отразиться и на самом рассказе о Норна-Гесте. В посвященной этому герою балладе (“*Nornagests Rima*”)⁹, которая была записана в середине XIX в. Хаммерсхаймбом и в конечном счете восходит к известной нам пряди, излагаются всего лишь два ее эпизода, причем оба подверглись значительным изменениям. В первом рассказывается о сломавшейся во время прыжка Грани седельной пряжке, которую Гест получил от Сигурда, и добытом им тогда же необычайно длинном конском волосе. Согласно балладе, после инцидента с пряжкой оба героя направились напрямик к лежбищу дракона Фафнира, где, подобно солнечным лучам, сиял его золотой клад, что намекает на причастность Норна-Геста к самому прославленному подвигу Сигурда, за который он и получил свое прозвище Убийца Фафнира. Второй эпизод (он же заключительный) повествует о том, как Гест не мог нигде отыскать свою свечу, пока конунг не дал ему лодку и не указал место, где ее следует искать: на дне большого озера в Стране Франков. После того как свеча была, наконец, найдена, священник Кёрнар крестил Геста, а когда свеча догорела, его жизнь завершилась...

Так Норна-Гест – литературный персонаж, герой “пряди о крещении”, христианской истории, вплетенной в жизнеописание норвежского короля-миссионера Олава Трюггвасона, – со временем превратился в одного из центральных действующих лиц фольклорного песенного цикла о Нифлунгах.

- 1 См. о нем: Древнеанглийская поэзия / Изд. подготовили О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров (“Литературные памятники”). М., 1982. С. 14–22, 220 сл., 250–261.
- 2 “Сага об Олаве сыне Трюгви” (гл. 64); пер. М.И. Стеблин-Каменского, – см.: КЗ. С. 139.
- 3 Явная параллель к облику и поведению Торлейва Ярлова Скальда, героя одноименной пряди, когда он, переодевшись нищим стариком, явился на пир к ярлу Хакону из Хладира, чтобы отомстить ему. См.: ИС, II, 450–451.
- 4 Легендарный датский конунг, чей реальный прототип жил в VI в. Ему посвящены одна из “саг о древних временах” и рассказ в “Младшей Эдде”, объясняющий, почему золото называется “посевом Краки”. О посещении Хрольва Жердинки героем-долгожителем рассказывается в “Пряди о Токи” (см. ниже).
- 5 Harris J., *Hill Th.D. Gestr's 'Pime Sign': Source and Signification in Norna-Gests þáttur* // *Arkiv för nordisk filologi*. 1989. Bd. 104. P. 107 ff.
- 6 Примером такого рассказа может служить “Прядь о Рёгнвальде и Рауде” (*Flat*. I, 288–299).
- 7 Ср., например, “Прядь об Эйндриди Широкоστόпом” (*Flat*. I, 456–464); русск. перевод: Гуревич Е.А. Скандинавский Вильгельм Телль // *Одиссей. Человек в истории* – 2004. М., 2004. С. 422–450.
- 8 *Stories and Ballads of the Far Past Translated from the Norse (Icelandic and Faroese) with Introductions and Notes by N. Kershaw*. Cambridge, 1921. P. 176.
- 9 *Ibid*. P. 178–181; *Hammershaimb V.U. Færøiske Kvæder*. København, 1851. Bd. I. S. 71 ff.

Иллюстрации в тексте:

Норны (Йоханнес Герц, 1889 г.)

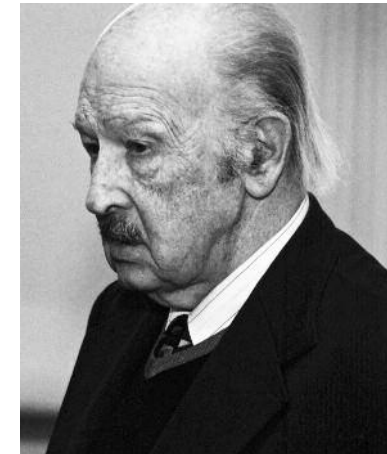
Смерть Норна-Геста (Гуннар Видар Форсель, конец XIX в.)

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ИС* – Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. I–II.
КЗ – *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980.
МЭ – Младшая Эдда. М., 1994.
СЭ – Старшая Эдда. М.; Л., 1963.
Flat. – *Flateyjarbok. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I–III.*

*Перевод с древнеисландского, комментарии
и послесловие Е.А. Гуревич*

IN MEMORIAM

NUNC DIMITTIS...

**Памяти Георгия Степановича КНАБЕ
(20 августа 1920 – 30 ноября 2011)**

Вот редкий случай, когда печаль может быть светла. Какая красивая жизнь прожита! Трудная, большая, с постоянным осознанием долга, но ни разу не понудившая поступиться достоинством, раболепно согнуться. Когда я читаю у Аверинцева про античную свободу, которая требует аристократического жеста и телесной позы; о римской *gravitas* с ее зрительным идеалом благородно-независимой осанки, я представляю Кнабе: как будто о нем написано! Но время-то, в которое ему выпало жить, не любило моральную выпрямленность. Чудо, что ему удалось всю жизнь быть собой, и счастье для знавших его, что он – без пафоса и вызова – являл такую возможность.

Я познакомился с Георгием Степановичем в конце 80-х, когда в МГУ началась непростая работа по созданию одной из первых